

БЕДНА ЛИ РОССИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ?

© С. А. Егоров

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 1997, № 6, с. 102-109

В связи с болезненностью и крайней неуравновешенностью развивающегося в нашей стране процесса демократизации часты сетования ученых и публицистов на бедность отечественной истории демократическими традициями. Их недостаточностью подчас объясняются все беды и неурейства сегодняшних дней Отечества. Однако дело не в слабости российских традиций, а в том, что на протяжении более чем 70 лет эти традиции последовательно и принципиально игнорировались под предлогом классового подхода. Поскольку мы выступали в роли созидателей неведомой миру и истории новой советской государственности и демократии, то считали для себя недостойным учиться у кого-либо и чему-либо. Мы упорно не хотели признавать то, что отдельные институты и принципы различного типа демократической государственности имеют общечеловеческий характер и заслуживают пристального изучения. По сути в нашем прошлом интересовали в основном революционные традиции, да и те изучались только в просветительском плане.

Как известно, первенцы русской свободы А.Н. Радищев и декабристы придавали исключительное значение вечевому строю древней России, республиканской государственности Пскова и Новгорода, однако мы считали своим долгом деликатно упрекнуть их в идеализации этих порядков, непонимании феодально-аристократической сути Новгородской и Псковской республик. А ведь по существу эта республиканская государственность была одной из значительных и реально значимых демократических традиций нашего Отечества. А.И. Герцен допускал возможность победы этих республиканских начал. По его мнению, в XV веке и даже в начале XVI века еще не было ясно, какой из принципов возьмет верх: "Князь или община. Москва или Новгород".

Республиканская государственность Новгорода и Пскова есть историческая форма демократии, причем не стихийной, спонтанной, а достаточно упорядоченной нормами обычного

права-"пошлины". Своеобразие этой формы состоит в вечевом устройстве власти, в непосредственном участии населения в ее осуществлении.

Высшим органом власти в республиках как юридически, так и фактически являлось народное собрание - вече. Это был орган народоправства. В этой связи нельзя согласиться с авторами "Российского законодательства X-XX веков", рассматривавших вече как "собрание полноправных жителей мужского пола" и предполагающих, следовательно, существование категории "неполноправных" граждан, не имеющих политических прав. Тем более нельзя признать основательным содержащееся в вузовском учебнике по истории государства и права СССР (издание МГУ) утверждение, что в вече могли принимать

участие только "имущие слои населения". Между тем упоминание о существовании каких-либо политических ограничений для отдельных категорий граждан⁵ этих республик исторические памятники не содержат. Больше того, в преамбуле Новгородской судной грамоты вполне определенно говорится об участии в ее утверждении на вече бояр, житых людей, купцов и черных людей. Псковская судная грамота содержит указание на принятие ее "всем Псковом на вече". Вообще вряд ли уместно вести речь о каком-то цензе в условиях прямой демократии. Как можно пришедшего на Ярославов двор по зову вечевого колокола лишить права участвовать в вече? Очень убедительно на этот счет высказывался Н.И. Костомаров. Он писал: "Все граждане, как богатые, так и бедные, как бояре, так и черные люди имели право быть на вече деятельными членами. Цензов не существовало ... Масса всего народа, в том числе и черного, имела верховную власть".

Вызывает возражение и утверждение, что реальная власть в Новгороде принадлежала совету господ. Этот орган, как известно, не правомочен был

самостоятельно принимать никаких официальных решений властного характера. Мнение "осподы" всегда нуждалось в санкции веча. Последнее можно было убедить в правильности, разумности этого мнения, но можно было и ввести в заблуждение. Навязать же народному собранию свою волю оспода не могла. Введенное в заблуждение вече имело возможность в любое время вернуться к неправильно решенному вопросу и перерешить его. Оспода несомненно играла важную роль в управлении, в формировании политического курса республики. Но законодательная власть безраздельно принадлежала вечу.

Исходя из изложенных соображений нельзя признать правомерным суждение о том, что демократизм вечевого строя является иллюзорным, что это была демократия для "меньшинства - небольшой кучки знатных и богатых фамилий". Подобная точка зрения не соответствует действительности. Благами демократического правления в Новгороде и Пскове пользовались отнюдь не только знатные и богатые, оно было всеобщим благом. Неслучайно законодательство республик (это видно из судных грамот) выражает жизненные потребности общества, а не волю господствующего класса.

Безусловно, само по себе обладание земельными латифундиями и солидными капиталами создавало боярам привилегированное положение в обществе, но в силу вечевого строя эти привилегии не получили юридического закрепления. Псковская судная грамота в отличие от "Русской правды" вообще не знает социальной дифференциации в применении права. Что же касается Новгородской судной грамоты, то она предусматривает повышенную правовую ответственность представителей высокопоставленных социальных групп. Так, за действия, направленные на дискредитацию суда (ст. 6) с виновного боярина взимался штраф в размере 50 руб., с житего человека - 20, а с молодшего - 10 руб. В этой и некоторых других статьях Новгородской судной грамоты зафиксирован народный взгляд на вещи:

кому больше воздается, с того больше и взыскивается. С боярским званием в Новгороде и Пскове связывались определенные гражданские достоинства. Уронивший это звание нес более высокую ответственность перед обществом. Справедливость такого подхода очевидна. По мнению Н.И. Костомарова, "боярин был вообще тот, кто независимо от своего поземельного владения, по уму, по ловкости, по умению становился в кружке народных советников и правителей".

Степень правовой защищенности личности, в том числе и феодально-зависимой, в Новгородской и Псковской республиках была значительно более высокой, нежели в русских государствах с монархическим устройством власти. Между закупом "Русской правды" и изорником "Псковской судной грамоты" дистанция огромного размера. Если первый - потенциальный холоп, то второму рабство не грозило ни при каких превратностях судьбы. В Новгороде и Пскове не существовало института долгового рабства. Личная зависимость изорника от государя не переходила на его наследников, к последним имели отношение только долговые обязательства умершего. Женитьба свободного на рабе не влекла для него обращения в рабство. Законодательство республик не знало и распространенного на Руси холопства по ключу. Разве это не общечеловеческие блага?

Таким образом, законодательство Новгородской и Псковской республик гарантировало свободному человеку его естественное право на свободу. Характеризуя Псковскую государственность, Н.Л. Дювернуа писал: "Известно, что в этой торговой республике личная свобода была гарантирована во многих отношениях лучше, чем

во всех других древнейших волостях". Никто здесь не мог быть лишен свободы без суда. Дювернуа приводит такой эпизод из истории Пскова: "... Когда Иван III потребовал от Пскова выдачи головою тех людей, которых его наместники бессудно поковали, а Псков расковал, то псковичи ответили, что не могут их выдать по пошлине и старине; ... свобода людей не должна быть

предметом чьих-либо распоряжений. Без суда никто не может быть лишен свободы. Это псковичи называют стариной и пошлиной".

Представляется, что закон о Филипповом заговенье неправомерно рассматривается как мера, нацеленная на удержание половника на земле феодала. Главная направленность этого законоположения - ограждение господского произвола, упорядочение отношений сторон: только в этот срок, а не в любое время, государь может реализовать свое право на "отрок", т.е. требование об уходе половника с его земли. Нарушивший законоположение об отроке государь несет убытки¹³. Эта статья отнюдь не "свидетельствует о процессе закрепощения крестьян в Псковской республике".

В условиях торжества права и демократии, осознания их как высших человеческих ценностей крепостничество вообще невозможно. Законодательство Новгорода и Пскова не знало унижающих человеческое достоинство телесных наказаний. Им строго защищалось общечеловеческое право на честь и достоинство. Справедливость, общечеловеческий характер законодательства Новгородской и Псковской республик связаны с тем, что его основу составляло обычное право (пошлина). Только адекватные ему установления возводились в ранг закона. Пошлина служила как бы нравственным масштабом для законодателя. Одним словом, величие веча как законодателя в том, что оно не изобретало закона, а утверждало то, что вырабатывалось жизнью, практикой общения, что диктовалось требованиями разумного компромисса.

Характеризуя "Псковскую судную грамоту", Н.Л. Дювернуа писал: "Юридические отношения, которых касается памятник, все основаны на нравственных началах свободы и равенства и освящены не только внешней санкцией вечевой автономии, но вековой стариной". Люди видели в этом праве святую правду жизни и считали бесчестьем и грехом для себя, святотатством идти против заповедной правды предков. Развивая свою мысль, Н.Л. Дювернуа утверждал: "При этих условиях образования права сила закона во Пскове была совершенно иная, чем в Москве. В закон верили

как никогда после не верили в него: в него верили все, ибо волею всех он получал силу; за него стояли все; за него стояли не только тогда, когда это было выгодно, и не только кому это было выгодно, за него поднимался весь Псков против сильного соседа, когда это было больше опасно, чем выгодно".

Для вечевой демократии Новгорода и Пскова типично стремление к достижению единодушия, "одиначества". Подобное стремление характерно для крестьянских сходов на Руси и в более поздние времена. В этом нельзя, разумеется, усматривать демократический идеал, но существование подобной нормы идет от осознания важности общего дела, необходимости следования в одном направлении, понимания опасности разногласий, забвения главных целей. Упорное стояние демократических группировок на противоположных позициях ослабляет, как известно, созидательные

силы демократии. Именно благодаря демократии, вечевому строю народы республик смогли установить для себя справедливое законодательство, обеспечивающее юридическое равенство граждан, защиту прав всех слоев свободного населения. Эти государственно-правовые порядки в отдельных своих проявлениях дают живое осязание правовой государственности. В Новгороде и Пскове верховенствовал вечевой закон.

Республиканской государственности Пскова и Новгорода была присуща определенная демократическая культура. Получило научное признание предположение руководящего раскопками в Новгороде проф. А.В. Арциховского о том, что обнаруженная им берестяная грамота с нацарапанными на ней именами четырех человек представляет собой избирательный бюллетень. "Эта находка, - писал В.Л. Янин, - существенно исправляет представление о Новгородском вече. Общественная жизнь в Новгородской республике была организована и регламентирована. И, в частности, выборы при широком распространении грамотности осуществлялись не криком, а подачей бюллетеней, подобных найденному на

Неревском конце". Безусловно были всплески страстей, свалки и потасовки на народных сходках, но вечевые постановления в конечном итоге

строго основывались на общей воле.

Одно из столкновений, возникших в 1359 году по случаю смещения посадника, довольно подробно описывается Н.М. Карамзиным. "В Новгороде, - повествует великий историограф, - был великий мятеж по случаю смены Посадника... Граждане конца Славянского, из всех пяти знаменитейшего, вопреки общей воле оставили Посадника Андреяна: пришли в доспехах на Двор Ярославов, разогнали других граждан невооруженных, даже умертвили некоторых Бояр, и выбрали Сильвестра на место Андреяново. Софийская сторона хотела отомстить Славянской: обе готовились к войне". Враждующие стороны утомило духовенство. Н.М. Карамзин отмечает особую заслугу в этом деле бывшего владыки, схимника Моисея. "Старец Моисей, - продолжает историограф, - опасностью отечества как бы вызванный из гроба, благословлял народ, именуя всех своими любезными детьми духовными, и молил их не проливать крови братьев. Мятеж утих: самые неистовые с умилением внимали гласу святого отшельника, стоявшего на праге смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновников действия насильственного и незаконного: села честлюбивого Сильвестра и других Вельмож Славянского Конца были взяты на щит, то есть разорены по определению Веча. Пострадали и невинные: ибо осторожная осмотрительность не свойственна мятежному суду народному. На место Сильвестра избрали нового Посадника, и город успокоился"¹⁷.

Как мы видим, великий историк, не благоволя к народовластию, признает стремление новгородцев к достижению общей воли. В этой связи утверждение О.В. Мартышина о том, что вече служило специфическим средством проведения боярской политики, тем более "гибкой политической формой, обеспечивающей реальное верховенство высших социальных групп"¹⁸ едва ли можно признать основательным.

Приведенный эпизод никак не свидетельствует о проявлении верхами общества гибкости, а скорее о грубой прямолинейности действий и о строгом

отношении граждан к нарушителям вечевой законности.

Выборность должностных лиц, вечевой порядок их смещения также характеризует государственность Новгорода и Пскова как демократическую и правовую. Она не знала бюрократии. Большим вече избирались три высших руководителя Новгородской республики: посадник, тысяцкий и владыка. Образуя своеобразную правительственную триаду, они сосредоточивали в своих руках все нити управления: "Вместе с владыкою, верховным правителем церковных дел и начальником духовенства, - писал Н.И. Костомаров, -степенные посадники и тысяцкий составляли троичность государственного представительства великого Новгорода". Каждый из этих правителей имел свою сферу управления, однако, некоторые государственные вопросы требовали их совместного участия, согласованного взаимодействия. Хотя высшим в этой триаде считался посадник, ни тысяцкий, ни владыко не находились в подчинении у него. Каждому из них могло предписывать тот или иной образ действий только вече. Но и последнее в такого рода установках было ограничено, поскольку формы деятельности и круг полномочий этих должностных лиц определялись исторической традицией, нормами обычного права. Никто из главных правителей республики не мог узурпировать полномочия другого и сосредоточить в своих руках всю полноту исполнительной власти. За каждым из них стояли реальные общественные силы: за посадником - боярство, за тысяцким - черный народ, за владыкой - духовенство и материально зависимые от церкви слои населения.

Подобное противостояние придавало политической системе устойчивость и уравновешенность. Республикам был чужд институт вождизма. Успешное течение государственных дел зависело не столько от Политических качеств правителей, сколько от прочности и разумности установлений, отлаженности исторически сложившихся механизмов власти, приводившихся в действие самой жизнью, ее обстоятельствами и потребностями, а не волей и энергией лидеров. История не называет имен

выдающихся правителей республик, и это не случайно. Смена одного посадника другим не вела к существенным переменам в политической и общественной жизни, тем более к преобразованиям государственных структур. Отсюда стабильность государственности. "Великие государства, - писал М.М. Сперанский, - движутся установлениями, лица переменяются и умирают, а дух установлений живет в течение многих столетий и охраняет оныя".

Новгородская и Псковская республики были великими государствами. На их фоне государственность Московского великого княжества выглядит грубой и примитивной. "Соправителем" великого князя был кнут. На посты посадников в Пскове и Новгороде традиционно избирались бояре и часто из одних и тех же фамилий. Но дело не во всесии боярства, а в силе традиций. И, наверное, народ устраивало такое положение, когда правительство возглавляется известным своими гражданскими добродетелями, состоятельным представителем земской знати, который может достойно противостоять князю и с которого можно спросить в случае измены общему делу. Как известно, имущество осужденного вечем посадника отдавалось на поток и разграбление. Так поступили с Дмитрием в 1209 году, богатства которого были поделены между новгородцами (по 3 гривны на каждого). Должность тысяцкого в первой половине XIV века также перешла к боярству. Но, видимо, не следует в этом усматривать боярскую узурпацию второго по значению государственного поста. Скорее произошло это с согласия молодых людей, интересы которых тысяцкий традиционно представлял в правительстве республики. Видимо, в звании боярина он мог с большей эффективностью отстаивать эти интересы, будучи человеком одного круга с боярством. Такая весьма своеобразная посредническая миссия тысяцкого способствовала стабилизации новгородской государственности. Следует подчеркнуть, что боярство северных русских республик в отличие от московского весьма осторожно пользовалось своими привилегиями, заботясь всемерно о сохранении социальной базы демократии. На ее основе

преодолевались наиболее резкие сословные противоречия, разногласия, достигался, выражаясь современным языком, определенный консенсус.

Республиканскими порядками в той или иной степени дорожили все слои населения. Разницу положений гражданина республики и подданного великого московского князя хорошо представлял себе каждый новгородец и пскович. И низы общества в этом контексте сознавали необходимость уступок боярству. Держаться вместе, вместе защищать демократические устои общества было законом политической жизни Новгорода и Пскова. Сложность международной обстановки создавала в обществе заинтересованность в сильной исполнительной власти.

Что касается важного государственного поста новгородского владыки, то его могло занять по избранию народом любое лицо духовного звания, даже из среды рядового монашества. Нареченный владыкой чернец становился главой над всеми архимандритами и игуменами епархии, высшим должностным лицом республики. Контролируя торговлю - "жизненную стихию Великого Новгорода" и осуществляя международные сношения, владыка оказывал большое политическое и нравственное влияние на важнейшие сферы государственной и общественной жизни республики. В этой связи представляется не вполне обоснованным утверждение, что политическая роль новгородских владык в первую очередь определялась их положением крупнейших феодалов, обладателей обширных латифундий. На первом плане, наверное, был все-таки нравственный авторитет. Не случайно на этот пост избирались и представители рядового монашества. Сочетание в государственности республик аристократического, демократического и духовно-нравственного элементов придавало ей устойчивость. Эта государственность знала и монархический элемент. Положение князя в республиках было весьма своеобразным: "В делах внешних он предводительствовал войском по распоряжению вече, шел на войну, решенную вечем, клал свои имя на договоре, составленном и обсужденном на вече: так точно и в делах внутренних он действовал в границах, очерченных вечем. Ему

представлялся суд, но вместе с посадником, происходившим из земства и служившим полным выражением земской воли". Таким образом, сфера полномочий князя была строго регламентированной. Он государственный человек, но отстранен от участия в общественной жизни. Ему запрещено приобретение недвижимости на территории республики, князь

ограничен даже в праве охоты. Резиденцией новгородского князя являлось специально отведенное место - Городище. Положение Псковского князя четко обрисовано Ю.Г. Алексеевым: "Являясь формально главой господы, князь - судья и правитель - по рукам и ногам (был) связан вечевыми органами во главе с посадником". Как лицо, совершенно не связанное с земством, князь в известном смысле выступал в роли третейского судьи. Его фигура символически олицетворяет один из противовесов новгородско-псковской государственности.

Таким образом, можно утверждать, что государственности Новгородской и Псковской республик в определенной мере присуща система сдержек и противовесов. На наш взгляд, вряд ли возможно рассматривать эти севернорусские народоправства как аристократические республики. Вечевой строй имеет общинное происхождение. Он претерпел, разумеется, феодальную деформацию, но не настолько, чтобы утратить свою изначальную общинную суть. Всякое аристократическое правление характеризуется засильем аристократии. Здесь этого не наблюдается. Вечевое, народное начало является определяющим в рассматриваемой политической системе.

Политическая и общественная жизнь отдельных частей Пскова и Новгорода (концов, улиц и сотен) также была проникнута вечевыми демократическими началами. Управление отдельными автономными единицами города, а также различными корпорациями граждан осуществлялось выборными должностными лицами (кончанскими, уличанскими старостами, сотскими). Концы и улицы имели свои веча. На ярко выраженные черты автономного устройства этих частей указывал Н.И. Костомаров. "Не только

конец, - писал он, - но и улица имела значение самобытной корпорации. Жители улицы носили название уличане, имели свое управление, выбирали своих уличских старост и являлись в общественных делах как члены сознательно признаваемого общества". Органы управления концов, улиц и сотен вели свое делопроизводство, имели свои печати. Такое самостоятельное, автономное положение отдельных частей Новгорода и Пскова дает основание для предположения о том, что важнейшие государственные вопросы проходили предварительное обсуждение на вечевых собраниях концов и улиц и, таким образом, мнение Великого Новгорода и всего Пскова как бы складывалось из мнения его частей.

Демократизм государственно-правовых порядков Новгорода и Пскова находит проявление и в сфере правосудия. Наряду с судьями по должности

Псков и Новгород знали институт выборных судей. Правосудие отправляла и так называемая братчина - особый общественный суд, судивший участников увеселительных мероприятий, совершивших различного рода неблагоприятные поступки и правонарушения в состоянии опьянения. "А братьщина судит как судьи" записано в Псковской судной грамоте (ст. 113). Законом предусмотрено широкое участие в судебном процессе представителей концов, улиц, сотен, рядов. Новгородская судная грамота знает высший суд докладчиков, т.е. представителей всех пяти концов города, которые указывали судьям, какое должно быть принято решение по делу. Подчеркивая чисто формальную роль князя в судопроизводстве, Н.И. Костомаров писал: "Собственно на суде доля князя была не обсуждение дела - на то были выборные судьи - а оправдание оправданного и казнь виновного". Судебные пошлины составляли основной источник пополнения княжеской казны, необходимой для содержания дружины. Судопроизводство торговых республик носило состязательный характер, в нем важное место отводится суду послухов-борцов за утверждение права, за правду и против неправды, стоятелей за правое дело, которые во имя его торжества, если требуют того обстоятельства, бьются на поединке. Это подлинно народный

институт, возникший в догосударственном состоянии общества. В судопроизводстве республик обеспечивалось равенство сторон. Новгородская судная грамота устанавливала месячный срок для рассмотрения дел в суде: "А орудье судить ... судьям месяц, а далее того им орудья не волочить". Этим установлением ставилась преграда судебной волоките, от чего страдали прежде всего низы общества. В Новгородской судной грамоте выражена идея равного суда для всех: "... А судити ему равно как боярина, так житего, так и молодчого человека".

И в Новгородских, и в Псковских судных грамотах последовательно проводится требование суда правого, справедливого. Эти законоположения свидетельствуют о сильном влиянии общества на правосудие, что несомненно связано с общим демократизмом республиканской государственности Новгорода и Пскова.

Изучение новгородско-псковских государственно-правовых порядков интересно и в том отношении, что в них рельефно выступают общие черты древнерусской демократической государственности. По мнению дореволюционного цивилиста и историка права Н.А. Гладкова, "Новгород представляет из себя полнейшее, иногда доведенное до крайности, развитие тех же начал, которые действовали во всей древней России". М.Ф. Владимирский-Буданов также утверждал, что "начала Новгородского устройства несомненны и ясны в других русских землях".

Мы склонны считать Древнерусское государство с центром в Киеве республиканизированной монархией, в которой "глас народный на вече звучал мощно и властно, вынуждая нередко к уступкам князей и прочих именитых "мужей". Неуступчивые князья попросту изгонялись. Так, в 1067 году в Киеве был смещен Изяслав, в 1146 г. - Игорь Олегович. "Полнота власти князя сохранялась до тех пор, - писал М.Ф. Владимирский-Буданов, - пока князь находился в согласии (одиначестве) с народом". Вече не только разделяло с князем власть, но и вмешивалось в управление, участвовало в

назначении и смене чиновников, в военном и финансовом управлении.

Думается, что сомнения И.Я. Фроянова в монархическом характере власти в древнерусском государстве имеют под собой почву. Киевское княжество не знало триады исполнительной власти, должности посадника там не было. Но князю всегда противостояла мощная фигура тысяцкого, который всегда был чем-то вроде народного трибуна, уравнивающего власть князя. Тысяцкий председательствовал в отсутствие князя на вече, выполнял полицейские функции, командовал народным ополчением, ведал торговыми делами. Должность эта существовала и в Московском государстве вплоть до упразднения ее Дмитрием Донским. С.М. Шпилевский, придавая большое значение земщине, подчеркивал, что "двоевластие - общий принцип государственного строя древней России".

Таким образом, можно утверждать, что русская земля не была обделена демократическими традициями. Татаро-монгольское нашествие внесло свои жестокие коррективы в древнерусскую государственность. Демократические вечевые порядки оказались несовместимыми с деспотическим владычеством завоевателей. Именно оно привнесло в русскую жизнь идею самовластия.

Важно подчеркнуть, что демократические порядки Древней Руси не внутренне изжили себя, а сокрушены внешней силой - татаро-монголами. Поэтому нельзя вполне согласиться с утверждением И.А. Ильина, что республиканская тенденция погубила самостоятельность Новгорода, и мнением В.О. Ключевского об обреченности Новгородской республики³⁰. Конечно, как всякая государственность, республиканское устройство власти имеет свои слабые стороны, уязвимые места. Но причина утраты Новгородом самостоятельности в другом: военная мощь Великого московского князя. Этой мощи не могло противостоять ни одно из русских княжеств. Таковы исторические реалии жизни.

Примерно в одно время с Новгородом потеряла свою независимость Вятская земля, также относившаяся к числу северно-русских народоправств. Надо отметить, что почти весь свободный от татаро-монгольского господства

русский Север держался за вечевые порядки. На прочность и устойчивость северно-русских народоправств указывал декабрист Н.М. Муравьев. "Республика Новгорода и Пскова продолжалась, - писал он, - около 6 веков; Хлыновская, Вятская - около трех. Последняя уступила 60-тысячному войску. Села, богатство, торговля, население исчезли со свободой. Сим опровергается ни на чем не основанное мнение, что русский народ неспособен, подобно другим народам, распоряжаться своими делами".

Если исчислять российскую государственность с IX в., то получается, что 6 веков отечественной истории, т.е. более половины исторического пути России, свидетельствуют в пользу демократии. Государство, основанное Иваном III, как известно, через 100 лет впало в паралитическое состояние.

Московское самодержавие, сокрушив вечевые порядки северных торговых республик, не убило, однако, идею народоправства. Ивану IV пришлось уступить настойчивым просьбам населения северных волостей и провести радикальную земскую реформу, устранившую на территории всего Московского государства правление наместников и волостелей и предоставившую выборным органам (губным и земским избам) достаточно широкие права в решении местных дел. Компетенция этих органов простиралась на все ветви управления - полицейское, финансовое, экономическое и суд. С введением избираемых населением учреждений стало больше порядка на местах. Более того, Россия обязана земству своим спасением в смутное время. Введенное в начале XVII в. воеводское правление не устранило полностью местного самоуправления, а действовало в сочетании с ним. Только Петр I окончательно покончил с местным самоуправлением. Выборные учреждения местного значения и действовавшие в период сословно-представительной монархии земские соборы нельзя, конечно, рассматривать как возрождение народоправства, но эти институты нельзя исключить и из разряда демократических. К числу российских демократических традиций относится и участие народного элемента в отправлении правосудия. Эта традиция, временами ослабевающая, не

прерывалась, однако, на протяжении всей истории Российского государства. Как известно, она достигла своего апогея в период проведения судебной реформы 1864 г. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и республиканскую традицию А.Н. Радищева и декабристов, которая прочно вошла в арсенал российской общественно-политической мысли. Республиканская тенденция упорно пробивалась сквозь толщу абсолютизма. Что касается последнего, то вполне правомерен вопрос: типичен ли абсолютизм для России, не слишком ли преувеличена его созидательная миссия? Этот антинародный режим, сохраняя внешнюю мощь и благополучие, постоянно вулканизировал. Он привел Россию к поражению в Крымской и Русско-японской войнах. Он вызвал противостояние общества и государства.

Новгородско-псковская республиканская государственность не знала такого рода противостояния. Там государство занимало подчиненное по отношению к обществу положение. Нельзя признать основательным утверждение, что низы новгородского общества защищали свои интересы путем частых народных восстаний. Столкновения, которые происходили время от времени на вечевой площади, нельзя отнести к разряду восстаний. Здесь отсутствуют ярко выраженные выступления низов против верхов. Бояре зачастую входили, как уже подчеркивалось, в разные враждующие группировки, но в целом ситуация была гораздо сложнее и не укладывается в рамки сложившихся стереотипов.

Что касается России периода расцвета абсолютизма, то она была тогда ареной настоящих классовых битв, крестьянских войн. Демократия, если иметь в виду не "классовую", а традиционную демократию, всегда предоставляет возможность для менее болезненного разрешения или смягчения социальных противоречий. Сведение демократии к классовому служению есть извращение ее сути.